

* * *

Предложенная выше характеристика летописных сводов конца XV века может, на наш взгляд, иметь существенное значение при использовании этих сводов в качестве исторического источника. Основной материал как по политической истории, так и по истории общественных движений этого периода содержится именно в разобранных летописях; исследователю этого материала, оценивающему то или иное известие, необходимо знать, что представляет собой в целом свод, содержащий данное известие. Однако летописи конца XV века являются не только источником по истории идеологической борьбы. Летописи вместе с тем и сами были фактом этой борьбы. Сопоставление различных по своим тенденциям общерусских сводов одного периода помогает увидеть в них публицистические памятники — ту самую публицистику конца XV века, которой так не хватает историкам этого периода. Правда, летописи — довольно своеобразный памятник публицистики. Свое мировоззрение летописцы выражали не в обобщенной форме, не в форме определенных идей, а в изложении фактов политической истории. Именно оценка этих фактов (резко расходящаяся в разных летописях) и давала возможность летописцу выступить в качестве публициста, идеолога той или иной группы.

Как и публицистические памятники XVI века, летописные своды конца XV века гораздо охотнее и шире уделяют внимание внутриклассовой борьбе, нежели борьбе между классами. Голос представителей угнетенных классов не получил непосредственного отражения ни в одной из разобранных летописей, — все они так или иначе отражают позиции господствующего феодального класса (некоторое отражение настроений посадских кругов можно, пожалуй, обнаружить только в одной из местных летописей — Псковской).¹ Феодальные (в широком смысле слова) тенденции официального летописания этого периода достаточно ясно обнаруживаются в рассказах о борьбе за Новгород, читающихся в сводах 1472 и 1479 годов. Падение Новгородской феодальной республики было исторически неизбежным событием; главным противником присоединения к Москве было реакционное боярство. Это обстоятельство с достаточной ясностью подтверждается новгородскими источниками. Последняя из летописей, относящихся ко времени новгородской самостоятельности, говорит о том, что „рать“ с Москвой „зачинали лучшие люди“; а „молодые люди“ во время Шелонской битвы 1471 года „вопили“ на „больших“ и отказывались идти в бой.² Об этом же свидетельствует один из разобранных выше неофициальных общерусских сводов: в Типографской летописи, отражающей, как мы предполагаем, Ростовский владычный свод, прямо говорится, что в 1471 году „земстии люди“ были на стороне великого князя.³ Но московская летопись XVI века, использовавшая рассказ Типографской, опустила место о сочувствии „земских людей“ великому князю.⁴ Официальные московские

в основе Соф. I Царск. лежит в значительной степени не свод 1500 года, а свод начала 90-х годов XV века (см. выше, стр. 166—175).

¹ Имеем в виду, например, сообщение Псковской I летописи под 1510 годом (Псковские летописи. М.—Л., 1941, стр. 96—97).

² ПСРЛ, IV (старое издание), стр. 127—128.

³ ПСРЛ, XXIV, стр. 189.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 191 (в Львовской этот рассказ отсутствует; очевидно, в своде 1488 года он не читался). На наличие этого места в Типографской и отсутствие его в Софийской II обратила внимание И. В. Лепко в диссертации „Летописи о падении Новгорода“ (Л., 1941), но не дала, на наш взгляд, правильной оценки этому факту (там же, стр. 83, примеч. 3).